

Здесь чудная мебель, ковры и гобелены...

К 100-летию первой международной специализированной выставки мебели в России

Международная Художественно-промышленная выставка мебели 1908 года
Приемная зала из Вены в стиле «Empire»

Летом 1908 года в Санкт-Петербурге прошли сразу две международные выставки, тематика которых частично пересекалась. По этой причине репортеры ряда газет, избалованные крупными торгово-промышленными смотрами, путали их названия. Читая хронику столетней давности, порой трудно разобраться, о чем идет речь – Художественно-Строительной выставке на Каменном Острове или Художественно-Промышленной выставке в Михайловском манеже. В экспозиции обоих смотров можно было видеть лучшие образцы мебели тех лет. Впрочем, на этом сходство и заканчивалось.

Сегодня наш рассказ – о первой в России международной мебельной выставке.

ВО ВСЕМ ВЕЛИКОЛЕПИИ...

Сведения о «Международной Художественно-Промышленной выставке мебели, декоративных работ и принадлежностей домашней обстановки» – именно так она называлась, начали печататься задолго до ее открытия – прессу интересовало буквально все. Впрочем, точность информации порой вызвала весьма серьезные сомнения.

«В Михайловском Манеже идут деятельные приготовления к Международной художественно-строительной выставке... – сообщали «Биржевые Ведомости» в июле. – Иностранцы откликнулись очень охотно. Швеция уже прислала почти все свои экспонаты (двести мест багажа)... По-видимому, блестяще будет представлена Япония, прини-

мающая официальное участие в выставке. Для построек приехал специальный архитектор – японец. Будет чайный домик с настоящими гейшами, выписанными из Японии. Очень обильными и заботливо оборудованными обещают быть отделы германский и австрийский. Остальные экспонаты различных государств составляют общий интернациональный раздел»¹.

Небольшая заметка, и сразу несколько «неточностей» – начиная с неверного названия выставки, и заканчивая ошибочным сообщением об «интернациональном отделе».

В начале августа Михайловский манеж богато декорировали полотнищами ткани и огромными вымпелами с двуглавыми орлами. Над главным входом царил Императорская корона – как знак Высочайшего покровительства: Председателем Выставки согласилась стать Государыня Императрица Мария Федоровна, мать Николая II.

Церемония торжественного открытия состоялась 12 августа 1908 года в присутствии Великой Княгини Ольги Александровны и представителей дипломатического корпуса. По свидетельству очевидцев, к назначенному сроку экспозиция была полностью готова.

«Выставка очень красива и содержательна, – делился первыми впечатлениями репортер «Торгово-промышленной газеты», – по всему манежу разбросаны изящные павильоны, внутренность которых разбита на комнаты, обставленные экспонатами... Здесь чудная сильная мебель, ковры, гобелены и мелкие аксессуары жилой обстановки...»²

Журналист «Огонька» был с ним полностью согласен: «Обширный Михайловский манеж преобразился до неузнаваемости: по всему пространству его настлан деревянный пол, крытый линолеумом и коврами. Манеж превратился в бесконечный салон, наполненный предметами роскоши и, отчасти, необходимости»³.

Внутреннее пространство здания строилось по проекту и под личным наблюдением придворного архитектора Р.Ф. Мельцера. У входа возвели грандиозную ротонду в стиле «empire», а в самом конце зала – белый павильон ресторана. В центре экспозиции поставили художественную эстраду для концертов, а против нее – уютную в экзотических цветах Царскую ложу, богато отделанную в том же стиле «empire».

Самое существенное отличие выставки 1908 года от ее нынешних «наследниц» заключалось в том, что тогда представляли не отдельные образцы или наборы мебели, а полную обстановку помещений (гостиных, столовых, салонов, кухонь), включавшую самые разные виды мебели, аксессуары, декоративные элементы и предметы домашнего обихода – гобелены, ковры, зеркала, бронзовые подсвечники и пр.

РОССИЯ – ДОМА КАК В ГОСТЯХ

Российская промышленность на выставке была представлена существенно слабее иностранной: свои экспонаты привезли лишь 72 фирмы. В то время это никого не удивляло. По традиции отечественные компании участвовали преимущественно в национальных выставках, прежде всего – Всероссийских торгово-промышленных (всего их прошло 16, последняя, самая крупная в истории страны, имела место в 1896 году в Нижнем Новгороде). Объяснялось это просто: во-первых, престижной, во-вторых, на них не допускались иностранцы, и, в третьих, площадь под экспозицию и строительство павильонов предоставлялась бесплатно. Что касается выхода на зарубежные рынки, то этой цели служили выставки за границей. Таким образом, международные выставки в России рассматривались чаще всего как «выездные мероприятия», инструмент развития импорта.

Впрочем, в Михайловском манеже наши фабриканты не затерялись. «Щеголяют на этот раз русские витрины превосходно представленного мебельного производства известных столичных фирм, мало чем уступающего иностранным и по рисунку, и по художественному вкусу исполнения»⁶

Так, в частности, русский промышленник Тарасов показывал прекрасно отделанную спальню в светлых тонах, по размерам напоминавшую небольшой дворцовый зал.

Несколько московских промышленников обустроили витрины с различными мебельными тканями, включая и самые тяжелые, парчевые. Имелись и кустари, правда, в незначительном количестве.

Самым известным «курьезом» стал факт отсутствия лакированной семеновской мебели – единственной в России, поставлявшейся за рубеж и имевшей там устойчивый спрос. В Германии ее даже подделывали, формируя грубые аналоги из древесной массы. Газеты предлагали специально привезти и показать сфальсифицированную немецкую мебель (вместе с подлинными семеновскими образцами), однако ввиду наличия огромного германского отдела организаторы посчитали это неуместным по этическим соображениям.

«ПАЛЬМА ПЕРВЕНСТВА» – У ШВЕДОВ

Выставка не напрасно носила гордое имя «международной». Большую часть экспозиции представили иностранцы. Из Германии прибыли 87 экспонентов, из Австро-Венгрии – 53, Японии – 59, Швеции – 32 и Франции – 28⁷.

По общему признанию «героем дня» стал шведский отдел – несколько изящных пави-

льонов, возведенных по проекту архитектора Г.Ф. Буберга.

Шведское правительство, в ответ на широкое участие России в Стокгольмской художественно-промышленной выставке 1897 года, выделило значительные средства для создания этого отдела. Особый Комитет по его устройству возглавил наследный принц Вильгельм.

В экспозиции предлагался четкий концептуальный подход к созданию комфортного интерьера на базе недорогой массовой мебели, отличающейся гарантированным качеством и безупречной эстетикой.

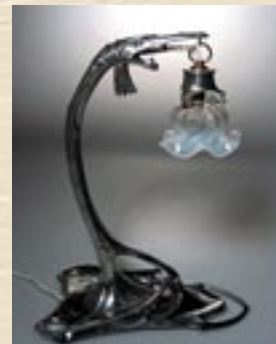
Вот как это описывал современник: «Стройной цельностью своей шведский отдел обязан стремлению организаторов наглядно ознакомить русскую публику с образцами полных домашних обстановок, соответствующих действительному современному уровню высокой скандинавской культуры...»

Шведы дали художественную модель удобного и изящного жилья, по образцу которой возможно и людям сравнительно среднего достатка устроить свою квартиру. Полные обстановки столовой, гостиной, спальни, делового кабинета, курительных комнат и других помещений завершаются заманчивой моделью комфортабельной кухни, снабженной всеми принадлежностями для безупречно-опрятного приготовления пищи. Ослепительной роскоши нет и в помине, все просто, исполнено вкуса, уютно, подкупает глаз изяществом форм и подбором красок. На стенах скупое, по одному, развешаны, в узеньких рамках, очаровательные офорты Цорна и Либгефорса... В этой, на первый взгляд ничтожной подробности, – ключ ко всему эстетическому секрету шведского отдела»⁸.

Публика с художественной жилкой нашла желаемое: вот он, стиль XX века: спокойный, практичный, без изысков, и, при этом, сравнительно недорогой. Удивляла стены с одной-единственной картиной. Для России это казалось в диковинку: у нас было принято открыто демонстрировать свой достаток, а значит – завешивать стены десятками картин, рисунков и фотографий. «Шведский отдел тем и замечателен, что наглядно учит экономии в распределении эффектов. Для картин и вообще художественных предметов нет, быть может, злейшего врага, чем сами эти картины или предметы –

Международная Художественно-промышленная выставка мебели 1908 года.

Австрия. Гобелен в стиле Julien работы М.В. Мюллера в Вене.

Настольные лампы в стиле Jugendstil, Германия, начало XX века.

Международная Художественно-промышленная выставка мебели 1908 года. Швеция. Кухня, устроенная фон Болиндером (справа). Изделия из керамики, искусственного стекла, золота и серебра (слева).

Международная Художественно-промышленная выставка мебели 1908 года

«Шведский отдел тем и замечателен, что наглядно учит экономии в распределении эффектов. Для картин и вообще художественных предметов нет, быть может, злейшего врага, чем сами эти картины или предметы – в чрезмерном количестве или кричащем сочетании» (из статьи журналиста)

в чрезмерном количестве или кричащем сочетании»³ – резюмировал журналист.

Германский отдел расположился в четырнадцати павильонах, имитировавших различные помещения: детскую комнату, дамский будуар, кабинет, читальную комнату, дамский салон на трансатлантическом океанском пароходе и пр. Журналист посчитал их «нетипичными для среднего уровня германского домашнего обихода»⁴ (знал, наверное, о чем говорил).

Рядом находились экспозиции Королевской фарфоровой мануфактуры в Берлине, изделий из керамики, стекла и металла, предметов художественного оформления интерьера. Господствующим стилем стал, разумеется, немецкий модерн – Jugendstil. Бронзовые статуэтки отличались верностью рисунка, тщательностью лепки и отливки. При этом коллекции мебели, утвари и хозяйственных предметов – все, без исключения, изобиловали предметами роскоши.

Ряд немецких экспонатов, в отличие от шведских, не имел практической ценности для промышленного производства – так уничтожительно характеризовались произведения искусства: художественные майолики по рисункам Ганса Тома, бюст «Святого Иоанна» работы профессора Карла Корнгаса, офорты и гравюры Макса Клингера, Эрлера, Макса Эйхлера, иных немецких художников.

В отделе Австро-Венгрии гости могли видеть модели полных обстановок комнат и отдельные образцы знаменитой венской мебели. В «Приемной зале» перед их взорами представала атмосфера дворца в стиле Empire, будто специально перенесенная из императорской резиденции Шенбрунн. Схожее ощущение вызывали огромные гобелены в

стиле Julien венского мастера М.В. Мюллера. Помещения отдела до отказа заполнили картинами и акварелями, изображавшими Вену, Зальцбург, Прагу и прочие достопримечательные города и местности Империи Габсбургов.

Вопреки ожиданиям, Франция была представлена сравнительно слабо. Правительство Республики отказалось от официального участия, сославшись на необходимость отдать все силы подготовке национальных экспозиций на выставках в Лондоне и Сарагоссе. Порадовать посетителей могли лишь художественные изделия из бронзы и меди, да превосходный (хоть и выцветший) подлинный гобелен эпохи Людовика XIV, выставленный парижскими антикварами братьями Бокри.

Сенсацией и местом паломничества стал Японский отдел. Еще бы! Не прошло и двух лет после поражения России в русско-японской войне, не забылись еще сотни газетных и журнальных страниц, заполненных шовинистическими карикатурами на «япошек», как здесь, в самом сердце Империи, страна Восходящего Солнца представляла в образе доброго соседа и надежного союзника. «Японский отдел Международной художественно-промышленной выставки в Санкт-Петербурге является наглядным показателем установившихся после войны дружественных отношений с наиболее культурно державой Дальнего Востока»⁵ – за два года речи изменились неузнаваемо.

С японской стороны участию в выставке придавалось огромное значение, достаточно сказать, что Генеральным комиссаром отдела состоял Министр земледелия и торговли М.Г. Катаяма.

Изделия из Японии рассказывали о художественной промышленности Июогама, Киото, То-

кио, Осаки, Кобе и других крупных центров. На берега Невы привезли традиционные предметы украшения дома: картины, вазы, лакированные изделия, ширмы, вышивки, гобелены, шелковые ткани, ковры, фарфор, фаянс, эмали, веера, обои и многое другое – вплоть до жемчуга. Искренне восхищение вызывали изящные черепаховые изделия, статуэтки из слоновой кости, бронза и деревянные вещицы с инкрустацией.

«Японское искусство всегда было направлено к декоративности; идейное искусство, в европейском смысле, на Дальнем Востоке не имеет применения – вне религиозной символики. Направленное односторонне, японское искусство достигло в своей области необычайного развития: оно украшает жизненную обстановку, изощряет вкус и вносит в домашний обиход веяние артистического изящества»⁵ – именно так, почти по-японски, выражал свои чувства репортер.

«ВЫСТАВКА РОСКОШИ» – ВЗГЛЯД КРИТИКА

Не все современники позитивно оценивали выставку. Да иначе и быть не могло. В хоре критиков выделялся голос В. Шимановского, обозревателя «Торгово-промышленной газеты». В первую очередь он сетовал на отсутствие образцов перспективной мебели, отвечающей таким требованиям как удобство, практичность, привлекательность, новый уровень комфорта (соответствующий последним достижениями науки и техники), ориентация на массовое производство и доступность для различных слоев населения. Снижение стоимости и рост продаж, по мысли автора, следует обеспечивать внедрением новых технологий, «фабрикацией мебели машинным способом» и заменой ценных материалов на более дешевые.

Как известно, идея удешевления мебели всеми возможными способами нашла впоследствии множество последователей (к счастью или нет – вопрос спорный).

Главный упрек был высказан в самом названии статьи – «Выставка роскоши». Чем же это плохо? Предоставим слово автору.

«Несмотря на чрезвычайно пышную роскошь всей обстановки выставки, богатство ее экспонатов (а, может быть, именно поэтому), она едва ли кого удовлетворяет – или же весьма немногих избранных, не считая художников, мастеров и прочих профессионалов. Большинство посетителей, насколько удалось подметить, рассматривает выставку в немом восхищении, но покидает этот великолепный музей роскоши и художественного великолепия с чувством неудовлетворенности. И, кажется, ни одна еще выставка у нас не производила такого сильного, и в то же время, гнетущего впечатления, как эта международная выставка мебели или, говоря точнее, роскоши.

Всякая выставка, как известно, преследует двойную цель: учебно-показательную и практически-коммерческую...

Спрашивается: удовлетворяет ли этим основным двум условиям...настоящий конкурс роскоши в Михайловском манеже? Стоит только хотя бы поверхностно осмотреть многочисленные экспонаты, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Нет слов, что эта великолепная мебель, представляющая порою настоящее художественное произведение, составляющая по стоимости целое состояние (дубовый буфет в шведском стиле – 20 000 рублей, гобеленовая гостиная во французском отделе – 65 000 рублей) – последнее слово мебельного искусства и техники. Но дают ли эти экспонаты (а таких большинство) истинное представление о современном положении мебельно-

го производства, работающего, очевидно, не для одних дворцов и музеев, а для рынка, для массового потребителя различного имущественного ранга?

Невольно вспоминается небольшой отдел мебели (финляндский) на первой Всероссийской кустарной выставке в Таврическом дворце, где экспонировалось несколько простейших обстановок для крестьянской избы, [стоимостью] начиная от 100 марок, привлекавших общее внимание публики. Несомненно, что нечто подобное, но в более широком масштабе, могло бы найти место и на нынешней выставке, отчего она бы только выиграла.

Едва ли удовлетворяет выставка и второму условию, т.е. коммерческой стороне дела. Возможно, конечно, что в Санкт-Петербурге найдется некоторое число достаточно богатых людей, которые не только полюбуются, но и приобретут себе кое-что на этой выставке (хотя до сих пор аншлаги «продано» очень редки, и то – преимущественно на художественных безделушках).

Вероятно также, что несколько столичных магазинов роскоши завяжут торговые сношения с наиболее выдающимися или неизвестными до сего времени экспонентами. Но велик ли вообще рынок роскоши? Не им, конечно, и существует всякое промышленное производство.

И, наконец, крупным, хотя и обычным недостатком выставки следует считать отсутствие показательной стороны. Отсутствие трудов и материалов (кроме альбомов и рисунков), касающихся мебельного производства, его развития, статических данных и прочего, является существенным пробелом на выставке, лишает ее в значительной степени научного интереса.⁶

В заключение, автор все же признает, что выставка прекрасна и смотрится с большим интересом, при этом на первом месте по обширности и системности экспозиции находится шведский отдел – в этом он полностью солидарен с коллегами-журналистами.

Разумеется, сегодня, по прошествии ста лет, судить о высказанных тогда мыслях совершенно невозможно. И все же, поскольку рынок в 1908 году жил по тем же законам, что и в наши дни, надо признать: коммерческая выставка – отражение рынка, и представлено на ней лишь то, что реально им востребовано. Неслучайно и нынешние выставки мебели во многих своих разделах можно смело назвать царством роскоши – спрос на нее никогда не исчезнет.

Александр БЕЛЯНОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Биржевые Ведомости. Утренний выпуск. № 10603. 15 июля 1908 года.
2. «Торгово-промышленная газета». № 181. 13 (26) августа 1908 года.
3. Международная художественно-промышленная выставка // «Огонек». № 34. 1908.
4. Выставка мебели // «Огонек». № 37. 1908.
5. Художественно-промышленная выставка в Санкт-Петербурге // «Огонек». № 45. 1908.
6. В. Шимановский. Выставка роскоши. По поводу Международной выставки мебели в Михайловском манеже // «Торгово-промышленная газета». № 189. 23 августа (5 сентября) 1908 года.

...Ни одна еще выставка у нас не производила такого сильного, и в то же время, гнетущего впечатления, как эта международная выставка мебели или, говоря точнее, роскоши

Мебель в стиле Jugendstil, Германия, начало XX века.